

М. М. Маковский

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОГРАФИЯ
АНГЛСКОЙ ЛЕКСИКИ
В ПРЕДЕЛАХ ГЕРМАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ
(лексико-этимологическое
и ареально-лингвистическое исследование)

I. О МЕТОДАХ АНАЛИЗА*

Проблема определения диалектной принадлежности лексических элементов древних памятников в плане лингво-географии представляет огромные трудности. И не случайно неоднократные и весьма серьезные попытки ученых выработать строгую методику подобных исследований и практически применить ее к анализу конкретного материала¹ фактически оканчивались неудачей (подробнее см. ниже). Такое положение вполне объяснимо, если

* Предлагаемая работа «О методах анализа» представляет собой теоретическую главу подготавливаемой автором монографии на указанную выше тему. Приводимые в данной главе методические принципы анализа диалектической лексики и установления изоглосс возникли у автора в результате проводившегося в течение ряда лет анализа обширного языкового материала. Часть этого фактического материала, исследованная и систематизированная в соответствии с изложенной методикой, приводится в работе: М. М. Маковский. Вариантность лексем в древнеанглийских гlosсах как признак диалектной принадлежности словаря. — Сб. «Этимология». М., Изд-во АН СССР, 1963.

¹ См.: R. Jordan. Eigentümlichkeiten des englischen Wortschatzes. Berlin, 1906; G. Scherzer. Zur Geographie und Chronologie des angelsächsischen Wortschatzes. Berlin, 1928; P. Meissner. Studien zum Wortschatz Aelfrics. — «Archiv für das Studium der neueren Sprachen» CLXV, 1934, стр. 11; CLXVI, стр. 30—39, 205—215; H. Rauch. Der Wortschatz der altenglischen Uebersetzungen des Matthaeus-Evangeliums untersucht auf seine dialektische und zeitliche Gebundenheit. Berlin, 1936; R. J. Menniger. Anglian and Saxon elements in Wulfstans vocabulary. — MLN 63, 1948; его же. The Anglian vocabulary of the Blickling homilies. — Сб. «Philologica. The Kemp Malone anniversary studies». Baltimore, 1949; J. Campbell. The dialect vocabulary of the Old English Bede. — JEGPh, 50, 1951; C. Clark. Studies in the vocabulary of the Petersborough chronicle. — Сб. «English and Germanic studies» V, 1953; общий обзор литературы вопроса см.: O. Funke. Altenglische Wortgeographie. — Сб. «Anglistische Studien». Wien—Stuttgart, 1958.

принять во внимание саму специфику и сущность исследуемого объекта: имеются неодинаковые возможности определения диалектной принадлежности древнеанглийских слов, во-первых, в зависимости от дописанного до нас языкового материала (в синхронном и диахронном планах) и, во-вторых, в зависимости от характера распределения этого материала в различных (по времени, жанру, самобытности и т. д.) памятниках языка². В связи с этим вряд ли было бы серьезным думать о каких-то единых и универсальных «рецептах» выявления диалектной принадлежности древнего словаря. Гораздо реальнее, как нам кажется, представить себе возможность исследования с помощью целого комплекса, целого «аппарата» вводимых в определенной последовательности приемов, которые (как мы увидим ниже), характеризуя данные слова с разных сторон, в своей совокупности могут в известной мере приблизить нас к пониманию территориальных истоков и специфики изучаемых лексем.

При разработке методики анализа, предлагаемой ниже, мы имели в виду следующие задачи исследования: 1) рассмотрение соотносительных связей лексики различных древнеанглийских диалектов на территории Британии; выяснение специфических черт лексики древнеанглийских диалектов и ее соотнесение с родственными лексическими явлениями в пределах германской языковой области; 2) ареальная локализация древнеанглийских памятников.

Используется в основном материал так называемой «северной» группы древнеанглийских памятников [The Lindisfarne Gospels, The Rushworth Gospels (R_1 и R_2); Bede's Ecclesiastical history of the English people, The Vespasian psalter and hymns, Ritual Dunelmensis и др.] с привлечением для сравнения большинства прочих древнеанглийских и среднеанглийских (прозаических и поэтических) памятников и гlossen при учете материала современных английских диалектов, а также родственных (древних и новых) германских языков и их территориальных диалектов. При этом рассматриваются только слова, которые по своей семантике и стилистической окраске являются обиходно-бытовыми и широко представлены в прозаической литературе (в том числе и в непереводной). Вследствие этого в отношении указанных слов вряд ли можно предположить узкопоэтическое употребление или влияние латинских моделей.

* * *

Необходимо прежде всего учитывать следующее обстоятельство. Изучая лексические особенности древних памятников письменности (текстов), в том числе и таких, место происхожде-

² Ср.: М. М. Маковский. Проблема географии слов в древнеанглийских диалектах. — ВЯ 1962, № 2.

ния которых более или менее известно, мы никак не можем судить о диалектной дистрибуции тех или иных слов в древнем языке (в особенности при рассмотрении отдельных памятников в отрыве от остальных), ибо в этом случае мы занимаемся по сути дела филологическим исследованием данного текста (или нескольких текстов), но не лингвистическим его анализом³. Из данных текстологии (они нередко с большой пользой применяются лингвистикой как вспомогательное средство) обычно ничего нельзя заключить о лингвистическом статусе тех или иных элементов текста. Более того, текстологические реалии часто не подтверждаются лингвистическими данными или даже стоят в явном противоречии с ними, а лингвистические факты со своей стороны могут не совпадать с данными текстологии.

Сам факт встречаемости (или отсутствия) какого-либо отдельного слова в определенной части дошедших до нас древних текстов, конечно, ничего не говорит о его диалектной принадлежности (это особенно относится к словам, встречающимся в качестве *ἄπαις λεγόμενα* или только в одном памятнике). В лучшем случае такой факт в той или иной мере характеризует текстовые особенности дошедшего до нас варианта данной рукописи, но никак не специфику языка и тем более территориального диалекта, на котором написана эта рукопись. Следует иметь в виду, что памятники, происхождение которых на определенной территории несомненно, в силу целого ряда изменчивых социально-политических условий в различных частях древней Британии⁴ нередко писались (полностью или частично) на диалекте, присущем другому ареалу. В силу тех же обстоятельств и сама ареальная локализация древних рукописей (ее обычно основывают исключительно на фонетических данных) не является бесспорной, ибо под фонетической оболочкой, которая, по-видимому, была характерна для одной территории, в рукописях нередко скрываются слова, типичные для другой территории; ряд вокабул, узкотерриториальное употребление которых вполне оправдывается имеющимися лингвистическими данными,

³ Попытка дифференцированного рассмотрения текстологии и лингвистики была сделана в работе Дж. Брука. К сожалению, Дж. Брук уделяет основное внимание текстовым эмендациям при издании древних текстов, не останавливаясь специально на соотношении этих аспектов непосредственно при исследовании (G. L. Brook. *The relation between the textual and the linguistic study of Old English*. — Сб. «The Anglo-Saxons». London, 1959).

⁴ Речь идет о постоянных междуусобных войнах властителей различных частей древней Британии, о чем, в частности, сообщает и Беда. Результатом таких войн явилось смешение различных племен и изменение территории, занимаемой ими. Подробнее об этом см.: R. H. Hodgkin. *A history of the Anglo-Saxons*, I—II. Oxford, 1939; F. M. Stenton. *Anglo-Saxon England*. Oxford, 1947; P. H. Blair. *An introduction to Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1956.

нередко используются в памятниках (т. е. на уровне текста), историческое происхождение которых указывает на их принадлежность к иному ареалу.

Палеографические особенности древних памятников также не могут явиться надежным критерием при определении их территориальной принадлежности, ибо нередко, скажем, нортумбрийский полуунициал или мерсийский инсуляр используются для написания уэссекских или кентских текстов (особенно текстов, неоднократно переписывавшихся различными писцами), и наоборот, шрифты, характерные для уэссексской школы письма, могли служить средством передачи нортумбрийских и мерсийских текстов⁵. Следует отметить, что орфографическое оформление одних и тех же слов в различных рукописях, не являясь прямым доказательством территориальной принадлежности соответствующих текстов, в ряде случаев может использоваться как дополнительный критерий при установлении ареальных особенностей словаря изучаемых памятников⁶.

Несмотря на все сказанное, нельзя отрицать определенную связь или даже преемственность и взаимообусловленность между текстологическим и лингвистическим планами анализа. Прежде всего любое засвидетельствованное в памятнике слово (факт текстологический) в то же время является ценнейшим лингвистическим доказательством его существования в языке рассматриваемого периода (т. е. фактом, выходящим за пределы чисто текстологического уровня). Только из материала, засвидетельствованного в текстах, мы и должны исходить во всех своих построениях.

Комплекс филологических (текстологических) проблем, решение которых является необходимым при всяком лингво-географическом анализе в области древней лексики и как правило должно предшествовать последнему, сводится к следующему:

1) история возникновения и дальнейшей переписки изучаемой рукописи, эмендации ее текста, степень и характер проникновения в нее новых слов (в том числе за счет глосс, маргинаций, интерполяций и т. д.);

2) влияние на словоупотребление в рукописях различных факторов литературно-жанрового (необходимо учитывать индивидуальное словоупотребление различных писцов, их идиолект),

⁵ Cp.: W. Keller. Angelsächsische Palaeographie («Palaestra» XLIII). Berlin, 1906.

⁶ Cp.: C. L. Wrenn. The value of spelling as evidence. — TPhS, Oxford, 1943; A. McIntosh. The analysis of written Middle English. — TPhS, Oxford, 1956; K. D. Bülbring. Was lässt sich aus dem Gebrauch der Buchstaben *k* und *c* im Matthäus-Evangelium des Rushworth-Manuskript folgern. — «Anglia. Beiblatt» IX, 1899; X, 1900; W. H. Hulme. The Old English gospel of Nicodemus: the use of *p* and *ð* in MS A. — PMLA 13, 1898.

социально-политического (в частности, возможность написания рукописи или части ее на диалекте победившего племени) и сакрального характера (рекуррентность)⁷. Под рекуррентностью мы понимаем типичное для переводных текстов религиозного содержания строго обязательное соответствие того или иного (особенно однозначного) слова оригинала (в нашем случае — латинского) определенному слову перевода и, наоборот, строго определенное соответствие того или иного слова перевода в оригинал во всех или по крайней мере в большинстве случаев, в которых встречается это слово в памятнике. Рекуррентность может проявляться как в пределах одного памятника, так и в различных памятниках или различных рукописях одного памятника, в которых, в частности, могут обнаружиться различные рекуррентные соответствия (т. е. данное слово латинского оригинала в различных памятниках может рекуррентно соотноситься с разными древнеанглийскими, а данное древнеанглийское слово — с разными латинскими). Отметим, что выводы о рекуррентных соответствиях возможны только в отношении слов, широко представленных в памятниках (о рекуррентности слов, встречаемых в единичных случаях, можно заключить лишь на основе дополнительной проверки путем сопоставления с материалом других памятников и с материалом современных диалектов);

3) взаимное влияние различных древнеанглийских рукописей и влияние латинской литературной традиции⁸;

4) контаминация текста при одновременном использовании различных изводов оригинала, что оказывало решающее влияние на словоупотребление перевода (один из таких латинских изводов мог быть уже раньше снабжен глоссами, которые нередко попадали в новый перевод)⁹. Ср., например, следующие стихи rashwortского евангелия, текст которых обусловлен контаминацией слов из различных ирландских изводов оригинала и вульгаты: Mt IX, 19: (Vulg.): *mittunt... mittunt*; (Irish): *mittunt... ponunt*; (Rushw.): *geotaþ... geotaþ* (вариант *gedoaþ*); Mt XIV, 11: (Vulg.): *et tulit matri suae*; (Irish): *et puella dedit matri suae*;

⁷ О понятии рекуррентности см., например: R. J. Kellog. Gothic renderings of Greek recurrents with especial reference to Mt V, 23. — «Modern philology» XIII, 1915, стр. 35—38; G. W. S. Friederichsen. The Gothic version of the gospels. Oxford, 1926, стр. 23 и сл.; H. von Soden. Das lateinische Neue Testament in Afrika. Leipzig, 1909, стр. 218.

⁸ В этой связи особенно интересны следующие работы: E. B. Irving, Latin prose sources for Old English verse. — JEGPh LVI, 4, 1957; J. D. A. Ogilvy. Books known to Anglo-Latin writers from Andhelm to Alcuin. Cambridge (Mass.), 1936.

⁹ Как известно, английские переводчики и глоссаторы библии пользовались различными вариантами латинского текста (*codices plurimi*), которые, по сведениям Беды (*«Historia Ecclesiastica»* I, 29), папа Григорий прислал св. Августину.

(Rushw.): *ond þæt mægden ber* (вариант *salde*) *moder hire*; Mt XXVI, 19: (Vulg.): *constituit illis*; (Irish.): *praecepit illis*; (Rushw.): *bebead* (вариант *gesette*).

Решение всех указанных проблем до проведения непосредственно лингвистического анализа дает возможность исключить тот лексический материал, наличие которого в памятниках обусловлено чисто текстологическими причинами и учет которого, следовательно, неправильно ориентировал бы нас при лингвистическом исследовании, а также значительно усложнил бы его.

* * *

После текстологической обработки исследуемых текстов необходимо приступить ко второму (промежуточному) этапу их анализа.

При одновременном анализе лексики нескольких синхронно соотнесенных древних памятников можно наблюдать следующее явление: то или иное понятие (или ряд понятий) обозначается в них определенными специфическими только для данной группы памятников лексемами (или рядом синонимичных лексем), в отличие от других групп памятников, где те же понятия как правило выражаются иными, существующими параллельно с первыми, но материально не совпадающими с ними вокабулами или предметно-смысловыми рядами лексем¹⁰.

Слова, входящие в тот или иной ряд и выражающие определенное узкое понятие, мы будем называть микрорядами; особенно интересны и показательны в этом отношении лексико-семантические ряды, все компоненты которых соответствуют одному и тому же слову в латинском (в случае переводных памятников); сопокупность же микрорядов, обозначающих несколько смежных понятий, в данной работе будет называться макрорядом.

Так, все слова, обозначающие, скажем, корзину или выражающие узкое понятие «ходить», образуют микроряды; в соответствующие же макроряды будут включаться слова (как образующие микроряды, так и стоящие вне их), обозначающие: 1) различные (по форме, материалу, способу употребления и т. д.) приспособления для содержания жидких, сыпучих и твердых тел; 2) различные (по скорости, манере и т. д.) способы передвижения.

Все лексические элементы, специфичные для данной группы памятников (т. е. как отдельные вокабулы и микроряды, так и

¹⁰ Проблема синонимии в древнеанглийских памятниках, к сожалению, разработана слабо. Ср.: K. Schemann. Die Synonyma im Beowulfliede. Münster, 1882; Sh. Kuhn. Synonyms in Old English Bede. — JEGPh XLVI, 1947.

макроряды этой группы памятников), мы будем условно называть изолированной (замкнутой) лексической системой в том смысле, что эта система по составу входящих в нее словарных элементов не совпадает с другими системами, выделенными на лексическом материале иных памятников. Именно в этом смысле мы будем чисто условно различать односистемные (изолированные) лексемы и ряды и разносистемные ряды и лексемы (к этим последним относятся, в частности, вокабулы, употребляемые с различным семантическим наполнением в разных группах памятников). Понятно, что при исследовании данной группы памятников вовсе не обязательно, чтобы слова, вошедшие в макроряд, входили в тот или иной микроряд изучаемой лексической системы: отдельные слова, общие и специфичные для той или иной группы памятников, но не вошедшие ни в микро-, ни в макроряды, тем не менее являются неотъемлемой частью данной изолированной лексической системы. Выделение отдельных слов и микрорядов, входящих в изолированную лексическую систему, мы будем считать оправданным, если они будут обнаружены как специфическое выражение тех или иных понятий не менее чем в трех памятниках, как переводных, так и самобытных (по возможности разного жанра). В отдельных случаях, однако, учитывая правило 1, при наличии достаточного языкового материала, более позднего по времени, чем рассматривающиеся вокабулы или лексические ряды, можно ограничиться меньшим числом памятников.

Вообще компоненты изолированной лексической системы (отдельные вокабулы, микроряды, макроряды) должны отвечать одному или нескольким из следующих условий:

а) звенья системы являются гомогенными по своей структуре [суффиксация, морфемный состав слова: особое грамматическое (категориальное) оформление слов (род, число, артикли и т. д.), в том числе особое использование слов в определенной части речи, особое фонетическое употребление слов (например, при метатезе)];

б) в систему включаются слова, которые по своей частотности в данной группе памятников являются наиболее предпочтительными лексемами для обозначения данного понятия (при этом учитывается факт невозможности существования абсолютных синонимов в пределах одного и того же диалекта). Таким образом, в одну систему могут включаться слова, встречающиеся в одном памятнике, скажем, 20 раз, а в других — два раза или вообще употребляемые в качестве *ἄπαξ λέγοντες* (памятники со смешанной лексикой не принимаются во внимание). Вполне понятно, что ни объем изучаемых текстов, ни разнообразие встречающихся в них вокабул ни в какой мере не могут влиять на количество компонентов лексической системы (в частности, на количество элементов ряда), и тем более на возмож-

ность выделения последних: наличие их обусловливается исключительно соотносительностью лексики отдельных памятников. Слова с высокой степенью рекуррентности (при отсутствии дополнительных данных, опровергающих последнюю), а также слова, употребление которых в памятниках обусловлено другими, чисто текстологическими, причинами, в ряд не включаются. Протяженность лексической системы может увеличиваться в том случае, если все ее компоненты или большая часть их обнаруживаются в нескольких памятниках, не вошедших в какие-либо изолированные системы, по содержащих, кроме указанных слов, синонимичные им лексемы [в частности, входящие в систему отдельные вокабулы при сопоставлении с другими памятниками, стоящими вне данной системы, или с гласами (особенно при наличии общей леммы в латинском) могут расширяться до микрорядов];

в) компоненты изолированной лексической системы обычно генетически близки соответствующим реалиям в определенном ареале (или микроареале) германской языковой области (это становится особенно очевидным на материале топонимики). Необходимо в связи с этим строго учитывать состав и закономерности развития параллельных лексико-семантических систем в изучаемых группах памятников и в памятниках родственных древнегерманских языков (выпадение звеньев, семантические сдвиги отдельных компонентов системы, появление новых звеньев, взаимодействие различных компонентов в пределах системы или уже — ряда или нескольких микрорядов).

Вполне понятно, что основными принципами анализа должны быть максимальная полнота охвата как привлекаемых памятников, так и содержащегося в них лексического материала.

Некоторые общие правила

1. Если распространение какого-либо слова или микроряда ограничивается изолированной лексической системой, представленной меньшим количеством памятников, вероятность специфичности их для этой системы больше, чем в отношении слов и рядов, представленных в системах с большим количеством памятников и вокабул.

2. Чем больше жанровая гетерогенность памятников, тем больше вероятность изолированности входящих в них лексических рядов.

3. Чем больше количество синонимов, представленных в данной группе памятников (т. е., чем больше число компонентов микрорядов), тем меньше вероятность того, что все они присущи этой группе памятников.

4. Чем ближе лексико-семантические системы в различных памятниках, тем ближе памятники.

5. Если во всех или в большинстве памятников, лексика которых входит как в одну, так и в несколько изолированных лексических систем, обнаруживаются одни и те же (инвариантные) лексические элементы, употребляющиеся в этих памятниках наряду с синонимичными, присущими только отдельным (чаще одной из двух) лексическим системам обозначениями того же понятия, то такие лексемы можно признать общими для всех указанных систем¹¹. Ограниченностю распространения (специфичность для данной группы памятников) слов, соотносимых с общим инвариантом (лексической «доминантой»), больше, чем ограниченность распространения слов, несоотносимых с таким инвариантом. Вполне понятно, что если одна и та же лексема в различных группах памятников или в различных памятниках одной группы имеет различное семантическое наполнение, то она должна входить соответственно в различные лексические системы или выступать в роли омонима в пределах одной системы.

6. Наличие лексических систем, установленное путем сплошного сличения словаря исследуемых памятников, подтверждается на основании следующей внутритекстовой оппозиции. При сопоставлении двух или более различных переводов (или рукописей) одного и того же текста, относящихся по времени своего возникновения к одной и той же эпохе, нередко может обнаружиться, что в аналогичных отрезках текста (абзацах, стихах и т. д.) употребляются лексемы, относящиеся к различным изолированным лексическим системам. В случаях, когда при подобном сопоставлении обнаруживаются вокабулы одной системы (в том числе идентичные лексемы), необходимо учитывать: а) встречаются ли данные слова одной рукописи точно в том же стихе, абзаце и т. д., что и в другой рукописи (в этом случае можно предполагать, что данное слово попало во вторую рукопись при переписке или обусловлено рекуррентностью), и б) обнаруживаются ли указанные слова в других частях этой рукописи (в этом случае важно учитывать, входит ли изучаемое слово в изолированную систему в пределах той группы памятников, к которым принадлежит вторая рукопись).

7. При построении изолированных лексических систем временная стратиграфия привлекаемых для сравнения памятников может не приниматься во внимание, ибо сам факт установления лексической соотносительности между памятниками обуславливает, естественно, определенную хронологическую преемственность их лексики, что в большей степени исключает возможность включения в ряд архаизмов.

¹¹ Ср.: C. L. Wrenn. «Standard» Old English. — TPhS, Oxford, 1933; B. von Lindheim. Traces of colloquial speech in Old English. — «Anglia» LXX, 1, 1951.

8. Если какое-либо слово, не входящее ни в одну систему, в вариантной гlosse соотносится со словом (или словами), входящими только в определенную систему, то оно включается в эту систему. Вариантность лексем в гlosсах особенно показательна в тех случаях, когда одна или обе из уравниваемых единиц (в соответствии со значением латинской леммы) в данном изолированном ряду не совпадают по своему значению с теми же лексемами в других изолированных лексических рядах. Принадлежность вариантов гlosс к данной системе хорошо проверяется в том случае, если в другом памятнике уравниваемые в гlosсах лексемы встречаются в одной фразе.

9. Слова, не вошедшие ни в одну систему, но входящие в лексически соотносимые памятники, сами образуют особую систему.

10. Слова, манифестируемые только в гlosсах или топонимах, при наличии достаточного материала образуют самостоятельную систему¹².

11. Отсутствие того или иного слова (слов) в одном или нескольких памятниках данной группы не является системным признаком и его не следует учитывать при построении и оценке систем, ибо этот признак носит чисто случайный характер; с другой стороны, отсутствие тех или иных лексических элементов в параллельно существующих соотносительных изолированных лексических системах является признаком, различающим непосредственно самые эти системы как качественно (ср., например, соотносительность с точки зрения абсолютной синонимии), так и количественно (в частности, наличие определенного компонента какой-либо изолированной лексической системы может подчеркиваться отсутствием соответствующего звена в другой изолированной системе)¹³.

В отличие от прослеживания отдельных лексем в разрозненных памятниках языка, которое было единственным приемом, применявшимся в появившихся до сих пор работах по разбираемому вопросу (см. прим. 1), метод установления изолированных лексико-семантических систем обладает, как нам кажется, бесспорными преимуществами, ибо дает определенную опору для выделения специфических, отличных друг от друга групп лексем в древних рукописях. Дело в том, что при использовании первого из этих приемов мы, анализируя проявление тех или иных отдельных лексем в древнеанглийских памятниках (следует учитывать, что ни один из таких памятников абсолютно не свободен от диалектного смешения), не можем получить цель-

¹² В настоящей работе широко будут использованы древнеанглийские гlosсы, рассеянные по различным источникам, а также древние и новые топонимы (особенно по «Charters» и «Anglo-Saxon writs»).

¹³ Cp.: J. Cantineau. Le classement logique des oppositions, — «Word» IX, 1, 1955.

ного представления о специфичности их словаря. Данное отдельное слово может встречаться в ряде памятников, но это вовсе не значит, что именно оно типично для языка рассматриваемых памятников или какого-то одного из них, тем более что наряду с этим словом в указанных памятниках могли употребляться другие слова с тем же значением. Таким образом, сам факт встречаемости слова в определенном памятнике или памятниках еще не означает, что оно служило специфическим выражением данного понятия в этих памятниках. При использовании предлагаемого метода в большой мере исключается попадание в систему слов, случайных для данной группы памятников, слов, специфичных для идиолекта того или иного писца (слова как правило берутся из памятников разных жанров, а нередко и из хронологически различных памятников), а также включение в ряд разносистемной лексики.

* * *

Выделенные в древних текстах лексические системы сами по себе, естественно, еще не отражают и не могут отражать ареальную стратиграфию словаря. Они являются лишь предварительной предпосылкой, своеобразным макетом для дальнейшего диалектологического исследования.

Третьим и последним этапом анализа является проверка системности выделенных ранее узких («изолированных») лексических групп (отдельных вокабул, микро- и макрорядов) на базе чисто лингвистических данных (в синхронном и диахронном планах). Показательными мы будем считать такие лексические элементы, ряды или части ряда, которые на лингвистическом уровне выступают как ареально ограниченные, т. е. обнаруживаются в основном в строго ограниченных (одних и тех же) ареалах Британских островов и/или германской языковой области. При этом указанные лексические элементы, на каком бы временном срезе развития языка они ни встречались, должны манифестироваться обязательно только в пределах той же узкой лексической системы, в которую они входили при выделении первичных лексических групп в древних памятниках (конечно, эта система с течением времени может несколько видоизмениться, к ней могут прибавиться или из нее могут выйти определенные звуки, что, однако, вряд ли отражается на составе основного «костяка» лексической системы).

В этом плане, учитывая крайнюю консервативность лексического состава территориальных диалектов вообще и английских в частности¹⁴, можно полагать, что чем дальше на вре-

¹⁴ Cp.: K. Schaezel. Das altenglische Element in den neuenglischen Dialekten. Frankfurt-am-Main, 1911; R. Kaiser. Zur Geographie des mit-

менной оси обнаружаются те или иные изолированные лексические системы (или части их), тем явственнее выступает правильность выделения соответствующих лексических групп в памятниках. Разумеется, окончательные выводы следует делать только на основе обобщения данных, полученных при сопоставлении большинства сходных случаев. При этом, разбирая то или иное слово, важно по возможности давать полную сводку имеющегося языкового материала, отражающую весь ареал его распространения и относительную хронологию как в пределах английской, так и германской и индоевропейской языковых областей (здесь мы сталкиваемся с необходимостью установления определенных этимологических связей). При построении изоглосс в пределах германской языковой области (например, др.-английской—готской, др.-английской — алеманской, др.-английской—скандинавской, др.-английской — нижненемецкой и т. д.) следует особо выделять доминирующие (наиболее частые) изоглоссы как характеризующие генетическую сущность изучаемой древнеанглийской диалектной лексики. Мы исходим из предпосылки, что сохранение всех или большинства компонентов изолированной лексической системы на различных временных срезах является свидетельством принадлежности элементов этой лексической системы к одному и тому же диалекту на всех исследуемых временных уровнях: полностью считаясь с тем фактом, что с течением времени часть лексики одного диалекта может, как уже говорилось, выйти из употребления или перейти в другой диалект, мы считаем, что переход целой лексической системы из одного диалекта в другой вряд ли возможен¹⁵.

Звенья отдельных систем, выпавшие в процессе эволюции языка и замененные новыми, могут восстанавливаться, если они прослеживаются в пределах определенного ареала германской языковой области, с которым соотносятся соответствующие системы. Если какой-то элемент (элементы) системы манифестируется в большинстве германских языков (древних и/или новых), но одновременно представлен в современных английских диалектах, то это никак не нарушает диалектный характер данного элемента или системы, в которую он входит, ибо «общегерманскому» характеру рассматриваемого элемента (элементов) противостоит в данном случае системная ограниченность (или,

telenglischen Wortschatzes. Leipzig, 1937; L. Berthold. Altdeutsches Wortgut in der heutigen Mundart. — Сб. «Erbe der Vergangenheit. Festgabe K. Helm». Tübingen, 1951. — Старые лексические элементы особенно консервируются в диалектах, находящихся в иноязычном окружении или на границе страны (ср., например, алеманские диалекты немецкого языка или северные диалекты английского языка).

¹⁵ Cp.: F. Kaufmann. Zur Frage nach der Altersbestimmung der Dialektgrenzen. — ZfdPh XXXIX, 1907.

на лингвистическом уровне, ареальная ограниченность) данного лексического элемента (особенно, если он системно ограничен в среднеанглийских памятниках). Вообще выяснение вопроса о том, не является ли изучаемое слово заимствованием из другого германского языка, в ряде случаев может существенно повлиять на построение тех или иных изоглосс древнеанглийского слова в германском ареале.

Принимая во внимание консервативность диалектов, в ряде случаев весьма полезным может оказаться анализ, проводимый как бы «в обратном направлении» по отношению к описанному выше. При таком анализе мы, исходя из материала более близких к нашему времени хронологических срезов языка (например, из материала современных или среднеанглийских диалектов), стараемся восполнить недостающие звенья той или иной изолированной лексической системы, выделенной в древних памятниках (отсутствие тех или иных элементов в системе нередко выясняется при диахроническом сопоставлении одной или нескольких систем между собой; иногда о том, что те или иные лексемы, неизвестные нам из древнеанглийских текстов, в действительности существовали в древнеанглийском языке, говорит наличие их в том или ином ареале германской языковой области, соотносимом с соответствующей древнеанглийской изолированной лексической системой). «Обратный» анализ, проводимый по принципу «от нового состояния к древнему», выявляя лексические элементы, не засвидетельствованные в древнеанглийских литературных памятниках, дает возможность в ряде случаев восстановить (при учете соответствующих звуковых переходов) древнеанглийскую «разговорную» лексику, не нашедшую отражения в письменности (ср. по этому вопросу замечания М. Фёрстера в сб. «*Anglica. A. Brandl celebration volume*», 1925, стр. 59), а также определить диалектную принадлежность глосс и других слов, не вошедших в системы. Вполне понятно, что при указанном анализе должна исследоваться лексика современных (или средних) английских диалектов, территориально соотносимых с лексикой соответствующих им систем (диалектная принадлежность последних предварительно выясняется анализом, ведущимся от древнего состояния к новому).

В диахроническом плане и в территориальном отношении могут существовать различные степени преемственности изолированной лексической системы и ее компонентов, что, естественно, отражается на возможностях исследования отдельных слов и рядов и требует различного подхода при анализе каждого из них. Наряду со случаями, когда дальнейший анализ становится полностью или почти невозможным, мы можем прежде всего наблюдать, что та или иная изолированная система нередко сохраняет входящие в нее лексические элементы на различных временных срезах развития языка вплоть до уровня современных диалектов; это

часто подкрепляется лексической соотнесенностью изучаемой системы в пределах определенного узкого ареала германской языковой области.

Отметим, что изоглоссы вообще никак нельзя сводить к застывшей, раз навсегда данной абстрактной схеме. Следует учитывать, что диалектные изоглоссы нередко представляют собой разновременные отложения языковых процессов. Отдельные изоглоссы могут быть обусловлены не только чисто генетическими связями между рассматриваемыми диалектами, но и параллельным развитием в них сходных явлений, а также заимствованиями в одном из звеньев изоглоссы¹⁶; в этом последнем случае, как и в случае разновременности сопоставляемых ареально дифференцированных лексических элементов, изоглоссы являются мнимыми.

Эти слабые стороны исследования с помощью изоглосс в значительной мере утрачивают силу в том случае, когда проводится массовое обследование материала, причем в нескольких территориально разобщенных областях на одинаковых или близких временных срезах обнаруживаются сходные по своему составу лексические системы. Вообще же установление изоглосс между английскими диалектами и диалектами другого ареала в пределах германской языковой области возможно не всегда, что и не является обязательно необходимым во всех случаях, особенно при наличии других данных (в частности, материалов самих английских диалектов).

Необходимо учитывать, что не все слова, входящие в первичную (т. е. выделенную первоначально на основе древнеанглийских текстов) изолированную систему, на лингвистическом уровне должны входить именно в данную систему. Здесь могут представиться следующие случаи: 1) данная вокабула или первичный ряд в более поздних по времени диалектах изучаемого языка манифестируется в другой изолированной лексической системе (другой диалект); 2) изолированные вокабулы и другие компоненты изучаемого изолированного ряда в современных диалектах могут встречаться одновременно в нескольких изолированных лексических системах (например, и в северных, и в южных диалектах); возможен и обратный случай, когда слова или ряды, общие для нескольких первичных изолированных систем, на лингвистическом уровне манифестируются как изолированные, т. е. присущие какому-либо одному диалекту; 3) компоненты изучаемой системы

¹⁶ Так, например, элементы лексических изоглосс между английскими и немецкими диалектами нередко находят отражение в скандинавских языках, где они часто являются заимствованиями из средневековых нижненемецких диалектов. Ср., например: E. Wessén. Om det svenska inflytanet på svenska språk under medeltiden. Stockholm, 1954 (с обширной литературой вопроса). О некоторых принципах выделения заимствований (кроме звуковых соответствий) см. ниже.

могут сохранять свой изолированный характер на более позднем уровне развития изучаемых диалектов, но одновременно в пределах германской языковой области встречаться в других изолированных системах, не совпадающих по своему составу с первоначальной системой (или вовсе отсутствовать в родственных языках); 4) компоненты данной системы на более поздних по времени языковых срезах встречаются в других изолированных системах, но в пределах германской языковой области — в той же системе. Вполне понятно, что лингвистическая ценность и доказательность каждого из этих случаев различна. При отсутствии каких-либо дополнительных данных безусловная нейтрализация происходит, как нам кажется, лишь в случаях первом и четвертом (о нейтрализации мы говорим тогда, когда на лингвистическом уровне не подтверждается первоначально допускавшаяся изолированность вокабулы, ряда и т. д. и, таким образом, последние невозможно использовать для определения их диалектной принадлежности). В случае втором необходимо учитывать историю развития данной системы в среднеанглийский период и хронологию проникновения отдельных ее компонентов в различные территориальные диалекты современного английского языка. В случае третьем сохранение системности в пределах изучаемого английского ареала, естественно, «перевешивает» отсутствие такой системности в других частях германской языковой области, которое может быть обусловлено, в частности, спецификой развития словарного состава в соответствующих германских языках. Что касается случая четвертого, то здесь важно исходить прежде всего из закономерностей изучаемого английского языка, обращая главное внимание на сохранение диахронической преемственности лексической системы. Необходимо, однако, отметить, что если первичные вокабулы или лексические ряды никак не отражаются на определенном этапе развития изучаемого языка, но в пределах германской языковой области им противопоставляются соответствующие изолированные вокабулы и ряды, то такое соответствие можно считать лингвистически доказательным.

Если на одних хронологических срезах определенная вокабула или лексический ряд входит в одну изолированную лексическую систему, а на других — в другую, то их принадлежность к определенному диалекту (по крайней мере в определенную эпоху), как нам кажется, может быть признана лишь в случае строгого сохранения ими системности не менее чем на двух этапах развития языка, непосредственно следующих друг за другом.

Вхождение отдельных звеньев системы в другие лексические системы никак не нейтрализует саму систему. Вообще нейтрализация наступает во всех тех случаях, когда нельзя «развернуть» первичную систему (например, если определенная вокабула или ряд представлены только в древнеанглийском или только в среднеанглийском языке и никак не «развертываются» в пре-

делах германской языковой области, если те или иные слова засвидетельствованы только как *ѧπαξ λεγόμενα*¹⁷ или топонимы, не входящие в ряд, не имеющие «опоры» во внутриязыковых лексических связях и не подкрепляемые материалом родственных германских языков в синхронном и/или диахроническом плане).

В ряде случаев необходимо принимать во внимание определенное «давление системы»¹⁸. Если, скажем, большинство компонентов изучаемого лексического ряда обнаруживает диахроническую преемственность, а некоторые элементы этого ряда диахронически «не развертываются» или плохо «развертываются», то эти последние элементы можно признать принадлежащими к изучаемой лексической системе на лингвистическом уровне.

Подобным же образом если какой-либо компонент первичной лексической системы нельзя «развернуть» в диахроническом плане, но он встречается в определенном микроареале германской языковой области, с которым соотносится большинство компонентов данной системы, то этот компонент, по закону «давления системы», можно считать принадлежащим к тому диалекту, к которому относятся остальные звенья системы. Указанная закономерность особенно важна в случае, когда требуется определить диалектную принадлежность топонимических элементов, не представленных в древнеанглийском как отдельные слова.

При наличии устойчивой изоглоссы между какой-либо английской изолированной лексической системой и лексикой определенного ареала германской языковой области узкодиалектными, как нам кажется, можно считать топонимические элементы: а) когда они не засвидетельствованы в древнеанглийском (ни в памятниках, ни в топонимических названиях) и не представлены в современных диалектах, но встречаются в современных топонимах Англии и, в пределах определенного германского ареала, в словах и топонимах родственных языков; б) когда древнеанглийские топонимические элементы не представлены в современных топонимах или диалектах, но манифестируются в пределах той же узкой германской языковой области в родственных языках и/или топонимах.

Примеры на реконструкцию древнеанглийских слов по топонимическим названиям: а) современные топонимы *Beeston*, *Bessacar* дают возможность предположить существование в древнеанглийском языке слова *beos* 'камыш' (голл. *bies*, н.-нем. *bese*;ср. топонимы, содержащие этот элемент, в верхненемецкой

¹⁷ Ср.: М. М. Маковский. Пути анализа лексических реликтов и инноваций при установлении изоглосс. — ВЯ 1965, № 1.

¹⁸ Ср.: Э. А. Макаев. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. — ВЯ 1962, № 5.

языковой области: *Bisingen*, *Biesum*, *Biesenrode*, *Bissendorf*, см.: Förstemann. Altdeutsches Namenbuch, II. Heidelberg, 1914, стр. 468), а топонимы *Redlynch*, *Lyscomb* вскрывают синонимичное *beos* слово *lisc* (др.-в.-нем. *lisca*, голл. *lisch*). Ср.: Förstemann II, стр. 58, 89: *Liess*, *Liesbach*, *Lissendorf*. Английские топонимы, содержащие элемент *swin* ‘бухта, залив, устье (реки)’, свидетельствуют о существовании соответствующего слова в древнеанглийском языке (ср. голл. *zwin*). Топонимы с этим элементом в верхненемецком микроареале приводятся у Фёрстеманна (Förstemann II, стр. 975); б) *hæs*, не засвидетельствованный в древнеанглийской литературе, встречается только в Charters: BCS 265 — *linga hese*; BCS 260 — *Terrahysse*; KDC I, 294 — *terra to Haese*; KDC I, 317 — *denbere Hese*. Ср. др.-в.-нем. *heisi*, *hese*, в.-нем. *Hees*. В современном английском языке не засвидетельствовано. Современные топонимы (в основном в южных графствах): *Haysden* (Кент), *Heston* (Миддлсекс), *Heysham* (Ланкашир), *Heys Wood* (Кент). В германской языковой области топонимические названия с *hais* встречаются преимущественно в верхненемецкой области (ср.: Förstemann II, стр. 1196—1197).

Следует отметить, что нельзя игнорировать некоторые неизбежные трудности при использовании топонимов. Так, необходимо иметь в виду, что границы распространения топонимов (как явления не только лингвистического, но и культурно-исторического) часто не совпадают с диалектными. В одних случаях диалектные границы могут переместиться или оказаться вовсе стертыми, а в топонимах эти границы продолжают существовать. Кроме того, в какой-либо определенной местности топонимия может избрать своим излюбленным средством определенный аффикс, словообразовательную морфему или лексическую модель, а в остальных местностях избегать их, хотя эти элементы могут быть общеязыковыми. Некоторые общеязыковые слова в особом значении или узком стилистическом употреблении могут закрепиться в определенной местности и образовать своеобразный топонимический «аreal», который, естественно, никак не будет отражать диалектные различия в языке. Следует учитывать также, что границы топонимических ареалов отражают различия названий не только по происхождению, но и по последующим изменениям.

Если большинство компонентов данной системы как правило соотносится с определенным микроареалом в германской языковой области, но некоторые из них одновременно соотносятся и с другим германским ареалом (особенно, если на последующих этапах развития лексики в этом последнем ареале данное слово больше не встречается или если манифестация изучаемого слова в первом и во втором из указанных германских ареалов различается хронологически), то это никак не нарушает системности этих элементов и не выключает их из данной системы.

Вопрос о лексических заимствованиях в древнеанглийском языке из родственных германских языков представляет чрезвычайные трудности: в ряде случаев вполне возможно предположить параллельное развитие лексических единиц в нескольких родственных языках, а также рассматривать то или иное слово как общегерманское. Как известно, территория древней Британии (особенно ее северных районов) подверглась длительной оккупации со стороны скандинавских народов (*Danelaw*, IX—XI вв.). Естественно в связи с этим предположение об определенной инфильтрации скандинавских лексических элементов в древнеанглийский язык (хотя в последних исследованиях в этой области все больше выдвигается тезис о существовании скандинавской и древнеанглийской лексических систем)¹⁹. К сожалению, мы не располагаем скандинавскими письменными памятниками, синхронными с памятниками древнеанглийского периода. Самые ранние скандинавские прозаические памятники (кроме рунических камней) относятся, как известно, к XII—XIII вв. К тому же нельзя упускать из виду, что скандинавские языки были подвержены нижненемецкому влиянию. Вообще отсутствие или наличие данного слова в памятниках того или иного германского языка не всегда говорит о том, что это слово было чуждо или присуще данному языку: указанное слово могло вовсе не отразиться в памятниках, а затем выйти из употребления; с другой стороны, указанное слово в рассматриваемых текстах могло посить чисто окказиональный (или идиолектный) характер или обусловливаться «вкрашиванием» в рукописи, написанные на одном германском языке, слов другого родственного языка (такие слова с течением времени могли получить «права гражданства» в первом из названных языков).

Нам представляется, что при прочих равных условиях и при отсутствии явно выраженных звуковых переходов и соответствий в словах различных родственных языков наличие заимствований маловероятно по крайней мере в следующем случае: если данное слово встречается в пределах определенного строго ограниченного ареала германской языковой области и входит в ряд, соотносимый по своему составу с рядом, представленным в английском языке

¹⁹ Ср., например: D. Hoffmann. *Nordisch-englische Lehnbeziehungen der Wikingerzeit*. København, 1955.

Интересно привести, с другой стороны, свидетельство из исландской саги, где утверждается «полная идентичность» древнеанглийского языка и языка скандинавских пришельцев в период *Danelaw*: «ein var rá tunga á Englandi sem i Noregi ok i Danmörku...» («Gunnalaugs Saga», hrsg. von E. Mogk. Halle, 1923, стр. 11).

По вопросу о кельтских заимствованиях в древнеанглийском языке см.: M. Förster. *Keltisches Wortgut im Englischen*. Halle, 1921; G. C. Britton. *Celtica*. — «English and Germanic studies» VII, 1961.

(в том числе и в случаях особого семантического наполнения отдельных лексем); с другой стороны, в том случае, если изучаемое английское слово в пределах германской языковой области встречается в ареале, лексически не соотносимом с тем, в который оно входит на английской территории, вероятность его заимствования весьма велика. Предположение о лексической (и/или семантической) интерференции отдельных компонентов изолированных лексических систем возможно, как нам представляется, в следующих случаях: 1) если данное слово (или особое значение данной лексемы) в изучаемый период развития английского языка встречается в нескольких изолированных системах, но в пределах германской языковой области только в одной системе, соотносимой по своему составу исключительно с одной из нескольких указанных систем в английском ареале; 2) если данное слово (или особое значение этого слова), с одной стороны, входит в систему лишь в пределах группы памятников, относящихся к определенному периоду, и в соответствующей системе другой группы памятников отсутствует, но, с другой стороны, в памятниках иного периода (относительно близкого первому) манифестируется в соответствующих системах обеих групп памятников (возможно, конечно, исчезновение слова из первой указанной выше системы)²⁰.

²⁰ Исследование фактического материала, иллюстрирующего предлагаемую методику, кроме работ, приведенных в прим.* и 17, дается в моей статье «Германские ареальные параллели в свете этимологии». — «Этимология. 1965» (в печати).